

**ИСТОРИЯ
КАЗАХСТАНА
В РУССКИХ
ИСТОЧНИКАХ
XVI—XX ВЕКОВ**

**III
ТОМ**

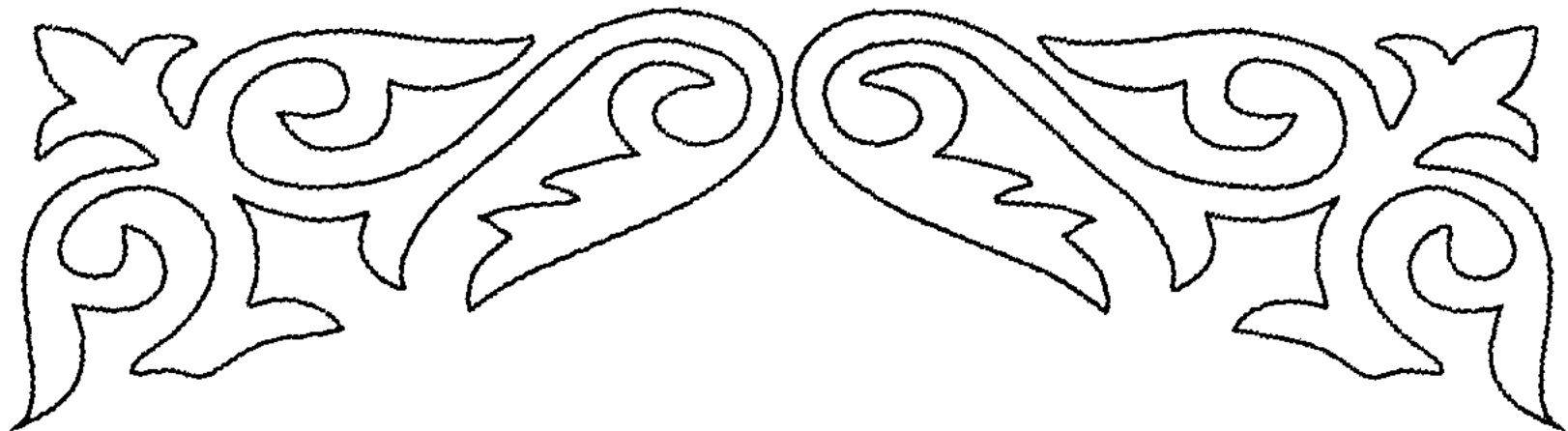
**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА
“КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ”**

**РАЗРАБОТАНА ПО ИНИЦИАТИВЕ ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
НУРСУЛТАНА АБИШЕВИЧА НАЗАРБАЕВА**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
КНИЖНЫХ СЕРИЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ
“КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ”**

И. Н. Тасмагамбетов (главный редактор)
М. М. Тажин (зам главного редактора)
С. Т. Тауекел (ответственный секретарь)
Ж. М. Абдильдин
М. Х. Абусейтова
М. М. Ауэзов
К. М. Байпаков
С. З. Зиманов
Д. А. Калетаев
А. Кекильбаев
М. Б. Кенжегузин
С. А. Каскабасов
М. К. Койгелдиев
Е. М. Косубаев
М. А. Кул-Мухаммед
М. М. Магауин
С. А. Мамбеев
А. К. Нурпеисов
А. Н. Нысанбаев
Е. Р. Рахмадиев
К. С. Султанов
О. О. Сулейменов
К. Ш. Хусайнов

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
И ЭТНОЛОГИИ им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

**ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА
В РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ
XVI–XX веков**

**III
ТОМ**

**ЖУРНАЛЫ И СЛУЖЕБНЫЕ
ЗАПИСКИ ДИПЛОМАТА
А. И. ТЕВКЕЛЕВА
ПО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ
КАЗАХСТАНА
(1731-1759 гг.)**

Алматы
“Дайк-Пресс” 2005

**ББК 63.3 (5каз)
Ж 91**

**Секция «История и этнография»
Государственной программы
«Культурное наследие»**

**М. К. Койгелдиев (председатель),
К. С. Алдажуманов (зам. председателя),
Р. К. Нурмагамбетова (ответственный секретарь),
С. Е. Ажигали, А. Н. Гаркавец, И. В. Ерофеева,
С. Ф. Мажитов, Б. М. Сужиков**

**Составление, транскрипция скорописи XVIII в.,
историографический очерк и комментарии
*И. В. Ерофеевой***

**Специальное редактирование текстов и составление указателей
*Г. С. Султангалиевой***

**Научный редактор
*Б. М. Сужиков***

Ж $\frac{0503020905}{00(05)-05}$

ББК 63.3 (5каз)

ISBN 9965-699-77-1

© Ерофеева И. В., составление, транскрипция
скорописи, историографический очерк и
комментарии, 2005
© Издательство «Дайк-Пресс»,
оформление, 2005

Служебные и исследовательские материалы российского дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахской степи (1731–1759 гг.)

В XVI–XVII вв. взаимоотношения Российского государства с казахскими ханствами занимали второстепенное место во внешнеполитической стратегии царского правительства и имели в целом нерегулярный характер. В России основными источниками информации о географии и социально-политической жизни азиатских стран, лежащих к югу за Уралом, являлись эпизодические «отписки» сибирских воевод о важнейших событиях, происходивших в сопредельных восточных государствах; «статейные списки» немногочисленных русских посольств, изредка совершавших поездки в Казахскую степь, Джунгарию и среднеазиатские ханства; «распросные маршруты» и «сказки» (показания) так называемых «бывалых людей» и среднеазиатских купцов, прибывавших в Сибирь из Центральной Азии через Степь и посещавших российские приграничные центры. Ввиду крайней скудости всей совокупности этих документальных материалов, их жанрово-видового однообразия и тематической ограниченности географические и историко-этнографические знания россиян о Казахстане и казахском народе были до конца первой трети XVIII в. очень дискретными, локальными и поверхностными.

Качественно новый этап в накоплении разносторонних знаний о Казахстане в России начинается с 30-х гг. XVIII в., когда в результате принятия в 1731–1732 гг. российским подданством частью ханов, султанов и влиятельных родоправителей Младшего

и Среднего жузов территория региона стала более доступной для изучения русской и европейской наукой. Расширение дипломатических и культурных связей Российского государства с европейскими при Петре I и его преемниках, активизация его восточной политики и модернизация социально-политических институтов внутри самой империи также явились важными факторами, способствовавшими более основательному изучению казахских земель в России и во всем европейском мире.

Становление процесса систематического изучения Казахстана и казахского народа в России непосредственно связано с личностью крупного российского дипломата и администратора первой половины XVIII в., одного из наиболее ярких и талантливых «птенцов гнезда Петрова», первого в истории страны генерала-мусульманина генерал-майора мурзы Кутлу-Мухаммеда Мамешеви́ча (рус. — Алексея Ивановича) Тевкелева (1674/75—1766). Значительная часть его жизни, не считая небольших перерывов, прошла в Оренбургском крае на северо-западной границе Казахской степи, где он успешно проявил себя не только в качестве талантливого и самостоятельного дипломата, но и оригинального исследователя истории, современного ему общественно-политического положения, быта и культуры казахов.

Кутлу-Мухаммед-мурза Тевкелев был почти ровесником Петра I и прожил долгую, насыщенную драматическими событиями жизнь, пережив своего главного венценосного патрона и идейного вдохновителя на целые сорок один год. Он принадлежал к одному из наиболее видных мусульманских дворянских родов Российской империи, возводившему свои династийные корни к XVI веку.

Происхождение рода Кутлу-Мухаммед-мурзы Тевкелева до сих пор в исторической науке окончательно не выяснено. Судя по лаконичным данным родословной дворян Тевкелевых, представленной в 1789 г. в Дворянское собрание Уфимского наместничества женой единственного сына генерал-майора Юсуфа (ум. в 1771 г.) Дарьей Алексеевной Тевкелевой и крепостным актам нескольких поколений его предков, основоположником этого дворянского рода считается некий знатный выходец из татарских мурз Среднего Поволжья Уразлей Тевкелев, принявший в XVI в. российское подданство. В эпоху завоевания Московским государством соседних тюркомонгольских государств Уразлей, как и многие другие его тюркоязычные соплеменники, добровольно или при-

нудительно (?) сменил прежних наследственных патронов своего рода из династии чингизидов на православного «белого царя», но при этом несмотря на типичное для того времени неприязненное отношение московских властей к «бусурманству» и российским подданным-«бусурманам», остался убежденным мусульманином [1]. В последующем почти все мужские потомки этого полуполюгендарного «ордынского» пращура, включая самого генерал-майора К.-М. Тевкелева, сохранили преданность вере своих предков. Поэтому широко бытующий в исторической литературе тезис о якобы имевшем место отказе Тевкелева от ислама и обращении в православие, как убедительно показано в специальных исследованиях последних лет, не имеет ничего общего с реальной действительностью. Кутлу-Мухаммед Тевкелев никогда не принимал крещения и до конца своих дней оставался последовательным мусульманином [2]. При этом его русское имя — Алексей Иванович, как, впрочем, и русские собственные имена его ближайших потомков, являются всего лишь данью российской официальной эпонимической традиции, побуждавшей царских чиновников-иноверцев (мусульман, католиков, протестантов, буддистов и т. д.) иметь двойные имена: русские — на государственной службе, а тюркские, монгольские или немецкие — в повседневном обиходе и личных контактах с родственными им по культуре сослуживцами и знакомыми.

Сыном Уразлея был мурза Ураз-Мухаммед (Ураз-Мамет), а сыном последнего — мурза Давлет-Мухаммед (Давлет-Мамет), прадед будущего генерал-майора К.-М. Тевкелева, получивший в свое время статус кормового помещного иноземца в будущей Ярославской губернии [3].

Отец Кутлу-Мухаммеда Тевкелева — мурза г. Касимова Мамеш Тевкелев — был старшим сыном Давлет-Мухаммеда, имевшего четырех сыновей: Мамеша, Булуша, Сафера и Мамета. В отличие от своих ближайших предков и прочих сородичей Мамеш Тевкелев являлся уже полноправным российским помещиком, владея земельными угодьями с крепостными крестьянами в Касимовском уезде будущей Нижегородской губернии, Владимирском уезде Московской губернии и Керинском уезде Казанской губернии, которые унаследовал от своего деда с отцовской либо материнской стороны [4].

Генеалогические сведения, имеющиеся в крепостных актах потомков генерал-майора К.-М. Тевкелева о других старших пред-

ставителях его рода, крайне малочисленны и фрагментарны. В то же время все они в целом вполне определенно свидетельствуют о том, что поместные дворяне Тевкелевы уже в XVII — начале XVIII в. сумели приобрести устойчивое доверие к себе со стороны царского правительства и в большинстве своем почти постоянно находились на дипломатической службе России в качестве профессиональных переводчиков. В частности, переводчиком Посольского Приказа был двоюродный дядя генерал-майора Тевкелева Рамазан Абдрахманович Тевкелев, а позднее переводчиком Коллегии иностранных дел — сын последнего Муртаза Рамазанович, получивший в 1754 г. чин коллежского асессора [5]. С должности переводчика «ориентальных языков» Коллегии иностранных дел началась блестящая служебная карьера и самого выдающегося представителя дворянского семейства Тевкелевых генерал-майора Кутлу-Мухаммеда Мамешеви́ча Тевкелева.

Кутлу-Мухаммед-мурза Тевкелев, называвшийся в источниках еще Кутлумаметом, Кутлумбет-мурзой, Мамет-мурзой или официально по-русски Алексеем Ивановичем, родился в 1085 г. хиджры, а по европейскому летосчислению — в 1674—1675 году [6]. Его карьера с самого начала службы была тесно связана с дипломатическим ведомством России — Коллегией иностранных дел. Свою профессиональную деятельность в сфере российской дипломатии К.-М. Тевкелев начал в качестве переводчика с тюркских и персидских языков еще в ранней молодости до начала правления Петра I и закончил уже будучи глубоко пожилым человеком в екатерининскую эпоху. Это был, безусловно, широко образованный для своего времени человек, в совершенстве владевший несколькими восточными языками: татарским, башкирским, казахским, узбекским, персидским, позднее — калмыцким; и свободно изъяснявшийся в письменной форме на литературном среднеазиатском (чагатайском) тюрки. Помимо восточных он знал также и некоторые европейские языки, которые успешно освоил, видимо, в процессе своей повседневной практической деятельности на дипломатическом поприще [7]. По свидетельствам большинства современников, К.-М. Тевкелев отличался гибким умом, находчивостью и красноречием. В самой России и среди правящей элиты соседних азиатских государств он имел устойчивую репутацию тонкого знатока образа жизни, культуры, быта и особенностей менталитета восточных народов Российской империи.

Впервые о службе Тевкелева упоминается в источниках в связи с его участием в драматическом Прутском походе 1711 г., где молодой энергичный чиновник-мусульманин, выполняя обязанности «переводчика ориентальных языков», обратил на себя особое внимание русского царя. Петру I он показался «человеком надежным», способным вполне самостоятельно и твердо отстаивать интересы России в критических ситуациях [8]. Не исключено, что именно эта во многом случайная встреча оказалась в определенном смысле судьбоносной для служебной карьеры потомственного татарского мурзы, который несколько лет спустя стал довольно часто привлекаться царем к выполнению сложных дипломатических поручений в различных азиатских странах.

Так, в 1716 г. по личному указанию Петра I К.-М. Тевкелев был включен в состав экспедиции А. Бековича-Черкасского в Хиву и по дороге получил от него приказ отправиться в Иран и Индию с поручением собрать разнообразные сведения о посещенных странах, в первую очередь, о месторождениях «песошного золота», а затем вернуться в отряд через Китай и Бухару. Однако на полпути к Индии, оказавшись в Астрабаде, он попал в плен к иранскому наместнику и был освобожден только благодаря усилиям русского посланника при сефевидском дворе А. П. Вольнского. Узнав о гибели А. Бековича, К.-М. Тевкелев возвратился в Россию [9], где продолжал выполнять различные поручения царя и Коллегии иностранных дел. В 1719 г. он был направлен последней в астраханские степи к волжским калмыкам для обучения калмыцкому языку, а затем послан к хану Аюке (1646–1724) [10].

В 1722–1723 гг. К.-М. Тевкелев участвовал в роли «старшего переводчика по секретным делам» в Персидском походе Петра I и стоял у самых истоков зарождения знаменитой петровской идеи о «Казацкой орде» как «ключе и вратах ко всем азиатским странам и землям» [11]. Позднее именно К.-М. Тевкелев оказался тем единственным из оставшихся в живых идейных прародителей казахстанского вектора восточной политики России (другими консультантами царя по этому вопросу были астраханский губернатор А. П. Вольнский, сибирский губернатор А. Д. Черкасский и, возможно, калмыцкий хан Аюка) [12], кто письменно засвидетельствовал крылатое высказывание российского самодержца о транзитном геополитическом значении Казахстана для российской внешней экспансии в Центральной Азии.

В середине 1720-х гг. он совместно с И. И. Неплюевым, Т. П. Шафировым и А. П. Волынским участвовал в переговорах с турецкими посланниками на Немировском конгрессе, заменив там отсутствовавшего австрийского переводчика [13]. Однако в полной мере незаурядные дипломатические таланты и большой исследовательский потенциал К.-М. Тевкелева раскрылись в период его пребывания на территории будущего Оренбургского края и Казахской степи. Со временем он приобрел в этих регионах настолько большую популярность, что казахи «поставляли его за такого умного, который больше человеческого разум имеет» [14].

Преждевременная смерть Петра I отодвинула на несколько лет исполнение честолюбивых надежд А. И. Тевкелева на предначертанную ему самой судьбой и высочайшей волей приоритетную роль в предстоящем деле практического воплощения в жизнь грандиозного восточного проекта Петра I, намеревавшегося посредством привлечения казахов в российское подданство проложить через Казахскую степь надежный сухопутный путь к овладению сказочными богатствами Индии и соседних стран «Полуденной Азии». Свою собственную историческую миссию как главного исполнителя идейных заветов Петра ему удалось реализовать только в начале царствования императрицы Анны Иоанновны, когда весной 1731 г. по высочайшему повелению он был впервые направлен в Казахскую степь для приведения местных ханов, султанов и старшин к присяге на верность Российской империи.

Непосредственным поводом для снаряжения этой дипломатической миссии явился официальный визит 28 августа 1730 г. в Москву и в начале сентября — в Петербург посольства старшего хана казахов Абулхайра (1710—1748) в количестве 11 человек во главе с бием племени керей Среднего жуза Сеиткулом Койдагуловым и батыром поколения алимулы Младшего жуза Котлумбетом Коштаевым с письменным прошением казахского правителя о принятии его вместе с подвластным народом в российское подданство [15]. При императорском дворе желание хана Младшего жуза получить «протекцию» русской императрицы было воспринято как очень приятное, хотя и неожиданное, событие, поэтому казахское посольство встретило в Петербурге самый благожелательный прием. Прощение Абулхайра было передано на рассмотрение Кабинета министров, который 14 марта 1731 г. вынес по нему свой одобрительный вердикт [16].

Для приведения казахов к присяге на верность российскому престолу императрица распорядилась направить в кочевья Младшего жуза специальное посольство во главе с опытным дипломатом, свободно владевшим казахским разговорным языком. Переводчик Коллегии иностранных дел К.-М. Тевкелев, безусловно, был наиболее подходящей фигурой для этой ответственной миссии. Поэтому вполне закономерно, что Анна Иоанновна остановила свой выбор именно на нем.

В специальной «Инструкции», подготовленной в феврале 1731 г. для А. И. Тевкелева Коллегией иностранных дел, посланнику императрицы были четко предписаны политические условия, на которых казахский хан и подвластное ему население должны быть приведены к присяге на подданство. Царское правительство возлагало на Абулхаира обязанность охранять русские торговые караваны в степи, платить ежегодно ясак шкурами животных, давать заложников (аманатов), жить в мире с российскими подданными и подчиняться основным законам Российской империи. В том случае, если казахский хан по тем или иным причинам «к платежу ясака и даче на Уфу аманатов будет весьма несклонен», то российский посланник должен был его согласия «не домогаться, а только стараться, чтоб он, Абулхаир-хан, с прочими начальными пункты подписали и жили в верности» [17].

Ввиду отсутствия к тому времени в Коллегии иностранных дел сколько-нибудь точных и обширных знаний о географии Казахстана, общественном устройстве, быте, внутривнутриполитической и социально-культурной жизни казахов, Тевкелеву особо предписывалось в 9-м пункте Инструкции по всем этим вопросам «о киргисцах усматривать и разведать, а особливо о начальном их киргис-кайсацком Абулхаир-хане, какова состояния он есть». Было признано также целесообразным использовать поездку в казахские кочевья для более основательного изучения пограничных с ними башкирских земель, которые долгое время оставались почти недостижимыми для чиновников Уфимского воеводства Казанской губернии. В этой связи вышеупомянутый 9-й пункт Инструкции включал в себя достаточно подробный перечень географических и историко-этнографических вопросов о Башкирии, интересовавших российское правительство [18]. Кроме того, с целью своевременной письменной фиксации всего увиденного и услышанного в казахских аулах Коллегия иностранных дел вменяла в

обязанность Тевкелеву регулярно вести полевой журнал своего пребывания в Степи, а для составления подробного топографического описания и карты пройденных мест определила ему в помощь геодезистов Алексея Писарева и Михаила Зиновьева, отправленных из Уфы [19].

30 апреля 1731 г. российское посольство вместе с посланниками Абулхайра выехало из массивных ворот восточной окраины Петербурга и двинулось в направлении Уфы. Конкретные исторические обстоятельства его путешествия по башкирским и казахским кочевьям и двухлетнего пребывания в Степи подробно отражены в пяти донесениях [20], специальном «Журнале» Тевкелева [21] и топографическом описании маршрута движения его отряда, составленном геодезистами А. Писаревым и М. Зиновьевым [22], которые в совокупности позволяют в деталях воссоздать историю этой важнейшей дипломатической миссии.

Согласно указанным историческим документам, путешествие Тевкелева от Петербурга до Уфы продлилось два месяца и три дня. С 4 июля по 26 августа 1731 г. посольство находилось в Уфе, где совершались последние приготовления к трудной поездке по неизведанным местам в северо-западные кочевья казахов и собирались предварительные сведения о политической ситуации в приграничных с Юго-Восточной Башкирией степных районах казахского края. Через три дня после прибытия К.-М. Тевкелева с сопровождавшими его людьми в Уфу к нему явился знатный башкирский тархан Ногайской дороги Алдар Исянгельдин (ум. в 1740 г.) с приближенным Абулхайра влиятельным в Степи представителем суфийского мусульманского духовенства Мухаммадом-кожа, приходившимся родным племянником некоему общепризнанному пиру казахского народа из Туркестана. Они сообщили российскому посланнику точное местонахождение степной ставки хана Младшего жуза. При этом Алдар предложил Тевкелеву в целях обеспечения безопасности его проезда по приуральским кочевьям казахов оповестить хана Абулхайра о скором прибытии к нему из Башкирии российского посольства. Для извещения Абулхайра башкирский тархан направил в Младший жуз своего сына Мансура, башкира Кидряса Муллакаева и казаха Рысбая. 22 августа Кидряс Муллакаев возвратился из казахских кочевий в Уфу и привез с собой четырех представителей от хана Абулхайра и его зятя султана Батыра (ум. в 1771 г.) во главе с батыром Среднего

жуза Суюндуком [23]. Последний передал Тевкелеву письмо своего патрона, подтверждавшее его прежние намерения в отношении России и уверявшее главу посольской миссии в том, что монархи Бухары и Хивы, градоправители Ташкента, Туркестана и другие казахские ханы признают Абулхайра своим повелителем и желают, так же как и он, стать российскими подданными. Все эти заверения были преднамеренной мистификацией с целью повышения интереса А. И. Тевкелева к начатому делу [24].

После получения указанных сведений К.-М. Тевкелев начал усиленно готовиться к скорейшему отправлению в Казахскую степь. В Уфе его свита была укреплена группой опытных служилых людей в количестве 70 человек. Для того, чтобы еще больше повысить безопасность посланника «белой императрицы» и придать ему соответствующий внешний имидж в глазах степняков, уфимский воевода П. И. Бутурлин выделил в распоряжение Тевкелева вооруженный конвой из 10 драгунских солдат и почетный эскорт в составе 10 уфимских дворян, 10 яицких казаков и 30 знатных башкир во главе с тарханом Алдаром Исянгельдиным [25]. 26 августа 1731 г. К.-М. Тевкелев со своей вооруженной свитой и вооруженным конвоем покинул Уфу и отправился через кочевья башкир в казахские степи.

Путешествие российского посольства от Уфы до кочевий хана Абулхайра длилось полтора месяца. За это время оно проделало долгий, почти тысячеверстный путь. Больше месяца посольский отряд с остановками передвигался по Башкирии в направлении на юго-восток, а 23 сентября, переправившись выше Яицкого городка через реку Яик в ее среднем течении, вступил в приграничные кочевья Младшего жуза. В последующие 13 дней маршрут Тевкелева пролегал, как и прежде, в юго-восточном направлении: сначала по левым притокам Яика к степной речке Ерыкли и ее притоку Сары, оттуда — к речке Терекли, а от последней — до речки Камышлы, стекающей с тех же гор, что и крупные реки Ирғиз и Тобол, и впадающей в Орь. Затем посольство направилось к Нетле — правому притоку Камышлы, от него — к речке Акташ, впадающей в правый приток Ирғиза Бакшаиш; затем — по Акташу «степными местами» вниз к Бакшаишу, а от него — через степь к Ирғизу и далее вниз по течению этой реки [26].

2 октября в низовьях Ирғиза российского посланника встретил сын Абулхайра султан Нуралы (1710/11—1790) в сопровож-

дении знатных казахских батыров и старшин. В этом месте Тевкелев сделал двухдневную остановку на отдых, чтобы должным образом поприветствовать старшего отпрыска ханского семейства и специально подготовиться к скорой официальной встрече с его отцом [27].

Простояв лагерем почти двое суток в низовьях Иргиза, посольство Тевкелева вместе с сопровождавшими его казахами 4 октября вновь двинулось в путь. За полтора суток оно прошло лесостепными участками и песчаной степью по правому берегу Иргиза расстояние в 42 версты и 5 октября достигло ниже устья р. Шет-Иргиз каменных гор Манитюбе, простиравшихся в эту прибрежную степь от верховьев Ори. Здесь, в живописном урочище с таким же названием, располагалась одна из летних ставок хана Абулхаира [28]. В «Журнале» А. И. Тевкелева за 1731 г. по этому поводу отмечается: «Октября 5 числа прибыли в урочище Манитюбе, стали при реке Иргиз, а 6-го дня того ж октября... Абулхаир-хан приказал встретить ево, Тевкелева, в 2-х верстах» [29].

В ханской ставке К.-М. Тевкелев был сразу же взят под стражу «тайным караулом» приставленным к нему старшинами Младшего жуза, и вынужден с 6 по 10 октября только тайно общаться с ханом, являясь в юрту Абулхаира переодетым в «худое платье кайсацкое» по ночам. Во время этих ночных встреч между российским посланником и Абулхаиром состоялся обстоятельный разговор, касавшийся в основном побудительных мотивов обращения хана к царскому правительству с просьбой о подданстве.

Абулхаир признался К.-М. Тевкелеву, что написал русской императрице один, без совета с другими казахскими ханами и старшинами. Он объявил, что сознательно пошел на эту ложь, так как опасался, что императрица, узнав всю правду, оставит его прошение без ответа. Он пояснил свое желание получить российское подданство тем, что рассчитывал с помощью России урегулировать взаимоотношения казахов Младшего и Среднего жузов с башкирами и калмыками и обеспечить себе безопасный тыл для дальнейшей борьбы с джунгарами с целью возвращения под свой контроль ранее утраченных в ойрато-казахской войне 1723–1730 гг. Туркестана, Сайрама и прочих присырдарьинских городов [30].

В то же время, отвечая на вопрос А. И. Тевкелева о причине его самовольного обращения за подданством без одобрительной санкции подвластных султанов и старшин, Абулхаир был на пер-

вых порах менее откровенным со своим собеседником. Поскольку хан тогда еще не имел достаточных оснований доверять российскому посланнику и не знал, как тот поведет себя в совершенно неожиданной для него экстремальной ситуации, он предпочел до конца не раскрывать ему свои политические замыслы и лишь косвенно намекнул на то, что не мог рассчитывать при проведении в Степи жизненно важных для его страны, но непопулярных среди кочевой знати преобразований на широкую поддержку со стороны жестко соперничавших с ним за власть степных султанов и своих «подлых знатных биев». «Киргиз-кайсацкая орда, — говорил он Тевкелеву, — люди дикия; вдруг их в путь наставить невозможно, так надобно с ними поступать, как уменьем ловят диких зверей» [31]. До курултая народных представителей Младшего жуза Абулхаир ни словом не обмолвился при общении с ним о своем намерении установить в Степи автократический тип ханского правления при опоре на военно-административные ресурсы самодержавной России, и лишь две недели спустя, когда посланник императрицы выдержал первое испытание на прочность, он полностью раскрыл ему свои далеко идущие планы относительно преобразования традиционного института ханской власти у казахов [32]. В ходе тайного общения с Тевкелевым Абулхаир, хорошо знавший социальную психологию казахов-кочевников, посоветовал посланнику проявить терпимость и осторожность при объяснении цели своей миссии разгневанным старшинам. Он рекомендовал Тевкелеву не скупиться на подарки и щедро одаривать разными вещами наиболее влиятельных старшин.

7 октября Тевкелев поставил в известность старшин о предстоящем принятии им присяги на верность русской императрице, раздал подарки и назначил день проведения собрания с присутствием Абулхаира. Однако к вечеру стало известно, что враждебность большинства родоправителей по отношению к нему и хану резко возросла, что последние подозревают его в шпионаже в целях подготовки военного наступления России на казахские жузы и намерены убить всех членов посольства, а их имущество разграбить.

Тогда Тевкелев призвал к себе в юрту знатных башкир Алдара Исянгельдина, Таймаса Шаимова, Косемиша Бекходжина, Орадая Обозина, Кидряса Муллакаева, Шиму Кадырчикова, Козяша Рахманкулова и Ака-муллу и обратился к ним за сове-

том, как следует ему поступить в создавшейся тревожной обстановке. Башкирские батыры предложили главе русской миссии начать с приобретения расположения наиболее авторитетных и влиятельных старшин, таких, как батыры Младшего жуза Букенбай, Есет и Кудайназар-мурза, на поддержку которых Абулхаир опирался многие годы. Хан помог посланнику при содействии батыра Таймаса отыскать Букенбая и организовал его свидание с Тевкелевым [33].

В ходе взаимного обмена мнениями по вопросу о подданстве Букенбай пообещал Абулхаиру и Тевкелеву помочь им одержать верх над остальными старшинами. Действительно, знаменитый батыр остался верен своему слову и в течение всего времени пребывания российского посольства в Степи постоянно поддерживал Тевкелева в самые трудные для него моменты общения с казахами.

10 октября 1731 г. российский посланник был вызван на представительный курултай казахской аристократической элиты и старшин Младшего жуза. Там его допросили «с великой яростью и гневом» о цели прибытия в Казахскую степь. К.-М. Тевкелев объяснил старшинам, что прислан к ним русской императрицей по просьбе хана Абулхаира для принятия его с подвластным народом в российское подданство. После этих слов старшины перенесли свой гнев на Абулхаира. Они стали возмущенно спрашивать хана: «Для какой причины просил он «подданства российского один без согласия их, киргизских [прав. — казахских. — И. Е.] старшин» и при этом обвиняли своего патрона в самовольном «приведении» их в «неволю», а также в превышении им своих полномочий, узаконенных традициями степного права. Характерно, что Абулхаир в ответной речи обвинителям не стал ссылаться в свое оправдание на враждебные отношения казахов с иноплеменными соседями и военное превосходство окружавших их «со всех сторон» внешних врагов, о чем он незадолго до собрания говорил с глазу на глаз с Тевкелевым. Сознавая исключительную сложность и опасность того положения, в которое он сам себя поставил проявленной инициативой, Абулхаир, тем не менее, предпочел прямо и откровенно заявить, что просил российского подданства, чтобы обладать реальной политической властью, а не просто почетным титулом, когда «он, хан, только имя носит ханское, а воли над подданными ни жадной не имеет и живет как между скотом». Сравнив свою жизнь среди казахов с положе-

нием дикой бесхозной лошади, «которую люди бьют и звери ловят», Абулхаир убежденно говорил, что «подобно тем зверям, он, хан, не имеет себя оборонителя и изобрел, яко лучшее есть, иметь подданство великого монарха, и желает видеть свету; и лучше от них убиен будет, нежели страшно живот терпеть». Жестко возражая оппонировавшим ему «противным старшинам», Абулхаир не сделал ни малейшей попытки завуалировать свои истинные политические замыслы, так как был уверен, что они уже в той или иной степени стали известны его оппонентам и настало время бросить открытый вызов судьбе. Казахские старшины, в свою очередь, продолжали настаивать на том, что «советовали» хану отправить посланцев к русской императрице «токмо затем, чтоб с Россиею быть в миру, а в подданстве быть не желают» [34]. Подобные возражения сопровождались недвусмысленными угрозами в адрес российского посольства, что побудило К.-М. Тевкелева вмешаться в разгоревшийся спор.

Сообразив по ходу жаркой дискуссии, что проблема миротворческого участия России в разрешении военных конфликтов казахов с их северными соседями — башкирами, калмыками, яицкими и сибирскими казаками — была одинаково актуальной как для сторонников Абулхаира, так и для «противной партии» казахских старшин, он решил воспользоваться этим важным козырем в интересах порученного ему дела и добиться нужного для цели миссии соотношения сил. Используя свои неординарные артистические способности и большой ораторский талант, опытный российский дипломат заявил собравшимся с театрально выдержанным высокомерным пафосом, что «присоветованный» ими год назад своему хану договор о мире с царским правительством никак не совместим с военным могуществом и высоким международным престижем такой великой державы, как Россия, и просто «неприличен» для достоинства «славной в мире» русской императрицы, «ибо Российская империя от киргиз-кайсаков никакого опасения не имеет, и в них нужды нимало нет, а им, киргиз-кайсакам, от подданных Российской империи великая опасность есть...»

Обрисовав собравшимся сложное внешнеполитическое положение казахских жузов и бессилие казахов против внешних врагов, российский посланник завершил свой хорошо продуманный живописный монолог жестким бескомпромиссным заявлением,

что в случае отказа казахских старшин поддержать прошение Абулхаира о российском подданстве, он принуждать их к этому не будет, но и «чинить» мирный договор с ними также не согласится, ибо «такого бесславия Российской империи он, Тевкелев, не принесет» [35].

После этой впечатляющей ораторской тирады с краткой речью к своим соплеменникам обратился знатный старшина Букенбай. «При всем собрании, выступая из всех», батыр говорил, что «он ... с Абулхаир-ханом в подданстве российском быть желает и в том будет присягать». Его поддержали хан Абулхаир и батыр Есет. Вслед за этими речами присягу в верности российской императрице принесли на Коране хан Абулхаир, батыры Букенбай, Есет, Кудайназар-мурза, а «потом и из знатных старшин присягали 27 человек» [36].

В течение декабря 1731 г. и весь следующий год К.-М. Тевкелев вместе с семейством хана Абулхаира неоднократно совершал перекочевки по западной части Казахской степи в направлении с северо-запада на юго-восток и обратно на север, в течение которых постоянно общался со многими авторитетными представителями правящей элиты казахов: султанами, биями, батырами и старшинами, а также с рядовыми кочевниками. В ходе этих интенсивных контактов ему удалось склонить к принятию российского подданства хана Среднего жуза Семеке (ок. 1724—1737/38), влиятельного султана Младшего жуза Батыра (ум. в 1771 г.) и некоторых других казахских правителей и старшин обоих жузов. Однако к осени 1732 г. борьба двух партий казахских старшин вокруг идеи принятия российского подданства еще больше обострилась, и поэтому ближайшие сторонники хана Младшего жуза и сам Абулхаир предложили Тевкелеву покинуть Степь и уехать в Петербург.

За время пребывания российского посольства в казахских кочевьях между Абулхаиром и Тевкелевым установились теплые доверительные отношения, чему в немалой степени способствовало глубокое знание последним нормативно-бытовой культуры степных номадов и свободное владение казахским языком. Хорошее взаимопонимание и доброжелательное отношение друг к другу казахский хан и российский дипломат сохранили на всю оставшуюся жизнь. Более того, история распорядилась так, что с 1731 г. дружеские связи татарского мурзы и его потомков с дина-

стией казахского чингизида Абулхаира уже не только никогда надолго не прерывались, но и со временем переросли в кровное междинастическое родство двух этих генеалогических линий.

24 ноября 1732 г. российское посольство в сопровождении представителей хана Абулхаира отправилось в обратный путь из урочища Найзакескен. Вместе с К.-М. Тевкелевым находились второй сын Абулхаира султан Ералы (ок. 1721–1794), двоюродный брат хана султан Нияз (род. ок. 1682), старшины: Кудайназар-мурза, Садык-бий, Мурзагельды-батыр, Тугельбай-батыр и некоторые другие лица. 2 января 1733 г. посольство прибыло в Уфу, а некоторое время спустя отправилось оттуда в Петербург [37]. В столицу России оно прибыло 4 января 1734 г. [38], продлившись, таким образом, более двух с половиной лет.

10 февраля 1734 г. султан Ералы был принят в торжественной обстановке при императорском дворе Анной Иоанновной. В Петербурге он и другие представители казахского посольства принесли вторичную присягу на верность России [39]. В ходе русско-казахских переговоров были окончательно закреплены условия российского протектората по отношению к казахам Младшего и Среднего жузов. В связи с этим важным историческим событием мурза К.-М. Тевкелев за удачно выполненную им дипломатическую миссию в казахских кочевьях с 1731 по 1733 гг. 8 мая 1734 г. был пожалован императрицей в «полковники с армейским полным жалованьем» [40].

Как правило, все историки, осмысливая историческое значение миссии К.-М. Тевкелева для развития русско-казахских отношений и кочевого общества казахов вообще, предпочитают говорить главным образом об ее определяющей роли в становлении процесса утверждения российского присутствия в регионе. При этом мнения специалистов о последствиях присоединения Казахстана к России для казахского народа с давних пор существенно расходятся друг с другом [41], хотя в последнее время стала явно доминировать более взвешенная точка зрения о большой внутренней противоречивости этого исторического процесса и неоднозначном характере его влияния на социально-экономическое, политическое и культурное развитие казахов [42].

В отличие от главного политического результата посольства Тевкелева, допускающего диаметрально противоположные по смыслу авторские оценки и суждения, отношение профессиональ-

ных историков к доставленным им в Россию исследовательским материалам о казахском народе всегда было и до сих пор остается однозначно положительным по его основополагающим критериям. По общему мнению всех дореволюционных, советских и современных исследователей истории Казахстана, четко выраженному как в специальных историографических трудах и разделах диссертаций, так и косвенным образом — в форме многократного использования извлеченных из работ Тевкелева исторических знаний, созданные им документальные источники имеют непреходящую познавательно-практическую ценность для исторической науки, так как являются плодом тщательного эмпирического обследования большей части территории и населения Казахстана и содержат в себе уникальную конкретно-историческую информацию по широкому кругу самых различных аспектов социально-политической и культурной жизни казахов первой половины XVIII столетия.

Собранные российским посольством в 1731—1732 гг. полевые данные о недавнем прошлом и современном ему положении казахского народа были изложены членами миссии в нескольких официальных документах, специально подготовленных для Коллегии иностранных дел. К ним относятся: пять донесений Тевкелева из Степи высшим сановникам империи, его особый посольский дневник или «Журнал», охватывающий весь период пребывания дипломатической миссии на территории Западного Казахстана; подробное текстовое описание путевого маршрута русского отряда и географическая карта пройденных мест, которые составили геодезисты А. Писарев и М. Зиновьев. В этой группе источников наибольший интерес для современных историков представляет написанный скорописью XVIII века «Журнал бытности в Киргиз-касацкой орде переводчика Маметя Тевкелева» за 1731 — начало 1733 г. объемом около 140 листов рукописного текста, где содержится множество оригинальных фактических сведений по истории Казахстана первой половины XVIII века. При этом следует иметь в виду, что данный «Журнал» является фактически единственным аутентичным источником информации о конкретных исторических обстоятельствах принятия ханом Абулхайром и другими политическими лидерами казахов-кочевников российского подданства в 1731 году. Его особая ценность заключается также в том, что здесь впервые приведены четкие и однозначные

свидетельства о давнем существовании на территории региона трех казахских жузов: Старшего, Среднего и Младшего — и конкретно обозначены исторические названия каждого из них («Большая», «Средняя» и «Малая» или «Меньшая» «орды»), которые отсутствуют во всех более ранних (как русских, так и восточных) источниках по истории казахов.

Основное внимание автором «Журнала» по понятным причинам было уделено освещению внутренней социально-политической обстановки в Степи в начале 30-х гг. XVIII в. и драматическим коллизиям междоусобной борьбы различных группировок казахской знати «черной кости» («кара суйек») вокруг идеи принятия российского подданства. Столкнувшись в казахских кочевьях лицом к лицу с острой конфронтацией пророссийской и так называемой «противной партией» местных старшин, Тевкелев проявил себя в этой экстремальной ситуации не только как талантливый самостоятельный дипломат, но и как тонкий наблюдатель. Все сложнейшие перипетии увиденной им и испытанной на себе жесткой внутривосточной борьбы отражены в его дневнике очень подробно и детально [43], что позволяет современным историкам точно установить конкретные даты и последовательность чередования многих исторических событий, составить относительно объективное представление о сложившейся к тому времени в кочевом обществе расстановке политических сил и на данной основе более или менее полно реконструировать действительную историческую картину начала вступления казахов Младшего и Среднего жузов под российский протекторат.

Вместе с тем в трудах советских ученых, посвященных истории русско-казахских отношений, нередко можно встретить критическое утверждение о том, что К.-М. Тевкелев при неоднократных упоминаниях в «Журнале» о грозившей ему большой опасности со стороны «противной партии» казахских старшин будто бы сильно преувеличивал и драматизировал накал политических страстей в Степи вокруг проблемы российского подданства, рассчитывая тем самым подчеркнуть свои особые заслуги в порученном ему деле перед российским престолом и получить за свои труды достойную награду от русской императрицы [44]. Этот априорный тезис мне представляется достаточно уязвимым с научной точки зрения, так как кроме двухлетнего дневника главы российской дипломатической миссии других аутентичных источников

информации о посольстве Тевкелева к хану Абулхаиру нет. Поскольку же при отсутствии иных, чем его собственная, авторских версий развития указанных событий мы не только не можем достоверно установить конкретные факты проявления у Тевкелева подобных гипотетических «искажений» и «преувеличений», но даже сколько-нибудь убедительно доказать тот факт, что они действительно у автора есть, то, следовательно, «должны брать свидетельства его «Журнала» именно такими, каковы они есть на самом деле» [45] и не пытаться сглаживать по конъюнктурно-идеологическим мотивам описанную в нем довольно сложную и противоречивую историческую ситуацию в Степи.

В общем контексте описания внутривосточной обстановки в регионе в начале 30-х гг. XVIII в. в «Журнале» Тевкелева приведены обширные разнообразные сведения о традиционных правящих элитах казахского общества и их наиболее видных представителях того периода (ханах Абулхаире и Семеке, султанах Нуралы, Батыре, Ниязе и др.; батырах Младшего жуза Букенбае, Есете, Кудайназар-мурзе и т. д.), что в комплексе дает возможность более или менее точно выявить основные статусные характеристики социальных групп султанов, биев, батыров и старшин; функциональную роль в системе управления номадным обществом каждой из них и характер взаимоотношений всех этих привилегированных сословно-корпоративных группировок между собой и с рядовыми общинниками-казахами. Важность этих фактических сведений состоит также в том, что все они емко и колоритно характеризуют цивилизационные особенности института ханской власти у степных номадов региона и свидетельствуют о традиционной ограниченности властных полномочий казахских ханов в условиях перманентно-подвижного образа жизни скотоводческого населения и обширности ареала его кочевания.

Помимо сведений о внутренней социально-политической обстановке на территории Казахстана в первой половине XVIII в. в «Журнале» имеется большая оригинальная информация о внешних связях казахских ханств с соседними государствами и народами, главным образом — с Джунгарией, Хивой, Аральским владением, приуральскими башкирами и волжскими калмыками. Эти данные во многом дополняют и уточняют свидетельства других российских и восточных нарративных источников того периода о международных отношениях в Центральной Азии в эпоху наивысшей

военно-политической активности Джунгарского ханства в регионе и позволяют более детально установить формы участия наследственной аристократической элиты казахов во внутривосточной жизни Хивинского ханства, приаральских узбеков, каракалпаков и некоторых других азиатских народов и государств.

Кроме того, в «Журнале» приводятся краткие биографические сведения об отдельных казахских ханах, султанах и наиболее авторитетных батырах того времени, полученные Тевкелевым непосредственно от этих исторических лиц. В этой связи необходимо отметить, что К.-М. Тевкелев, как великолепный знаток тюркских языков и степной традиционной системы родственных отношений, очень хорошо ориентировался в многообразии традиционных тюркоязычных терминов, обозначавших различные категории родства (отец — сын или дочь; дядя — племянник или племянница; родной брат — двоюродный брат — троюродный брат; зять — тесть, сват, деверь, шурина, свояк и т. д.), и, как убедительно подтверждают многие другие репрезентативные группы источников первой половины XVIII столетия (оттиски именных печатей, персональные подписи на присяжных листах и автобиографические данные личных писем тех же ханов, султанов и батыров российским властям), фактически не допускал ошибок при указании степени родственной близости между принадлежавшими к одной семье или к одному клану историческими персоналиями. В этом отношении его специальные «Журналы» и дополняющие их постоянные донесения в Коллегию иностранных дел выгодно отличаются от подавляющего большинства других российских официальных документов XVIII в., изобилующих такого рода фактографическими неточностями и противоречиями.

Наряду с разнообразной информацией о современном автору состоянии казахского общества «Журнал» содержит немало интересных и новых для того времени сведений по истории и культуре казахского народа. К ним следует отнести краткие известия Тевкелева, записанные со слов батыра Букенбая (ум. в 1741/42 г.), о разделении казахов на три жуза, истории правления казахских ханов в каждом из этих жузов, социальных функциях ежегодно созываемых народных курултаев наследственной кочевой аристократии и знатных старшин; рассказ Абулхайр-хана об исторической роли присырдарьинских городов в общественно-политической и культурной жизни казахских ханств; показания каракалпакского